

МАГИЯ  **ФЭНТЕЗИ**





Василий ТАРАСЕНКО
ДРАКОНИЙ КАТАРСИС.
ИЗЪЯТЫЙ

Роман

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Т19

Серия основана в 2004 году
Выпуск 621

Художник
И. Воронин

Тарасенко В. В.

Т19 Драконий Катарсис. Изъятый: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 441 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2293-7

Возродить рухнувшую империю? Легко! Найти общий язык с богами? Проще простого. Вернуть сгинувших драконов? Еще легче... Разве что заплатить за это придется немалую цену. Валентин Головлев, типичный «попаданец» и неунывающий «приключенец», платит без раздумий. За то, чтобы люди получили право самим решать свою судьбу. За то, чтобы над миром Вечного Дождя развеялись тучи и засияло солнце. За то, чтобы собрать воедино свою разбитую когда-то жизнь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Тарасенко В. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2293-7

Часть первая

НОВАЯ ЖИЗНЬ НАРАСХВАТ

Глава 1

СКАЗ О ТОМ, КАК ЛОМАЮТСЯ ТОРМОЗА

Мой старенький недоджип-паркетник не пережил той встречи под лунным летним небом. Впрочем, дерево, с которым он встретился, тоже получило знатно, до треска, и расщепилось от корней до макушки. Это я запомнить успел.

А чего? Вылетая сквозь лобовое стекло, и не такое заметишь. Говорила мне мама, что надо пристегиваться, да не слушался я. Вот и научился летать, пусть недолго и больно. А боль была адской: шею словно штопором скрутило, в глазах полыхнуло звездным светом, в животе колючий узел завязался, и мир лопнул красным огрызком беспамятства. Последние три часа злополучного вечера пролетели в памяти скороговоркой кадров...

— Валька, ты козел! — В голосе Марины звенела нешуточная обида.

Я же только хмыкнул с усмешкой — было бы чего дуться. Не приехал, видите ли, вовремя к ночному клубу, не забрал священную тушку тусовщицы, опять напившейся и наверняка изменившей мне с каким-нибудь «мачо-волосачо». Что я, виноват, что ли, если не имею природного свитера? Если уж все так насущно, нечего было съезжаться. А то как денег подкинуть или билет на тусовку покруче — так Валя самый-самый, а как до постели — так «фу, хоча магнетизма»... Бесит!

Видимо, что-то на моем лице появилось такое — Маринка настороженно примолкла, раздумывая: продолжать истерику или ну ее от греха подальше. Зная мой взрывной характер, любовница выбрала второй вариант, то есть замолчала. Но я успел завестись, что и вылилось в шипящую фразу:

— Козел, значит? Что еще скажешь, звезда подъездов и подворотен?

Колорированная в красное блондинка возмущенно засопела, сорвалась с дивана, поддержала молодежные джинсы, ви-

севшие на грани фола, и скрылась в прихожей нашей с ней однушки. Вскоре хлопнула дверь, доложив, что благоверная опять дернула в увольнительную на пару дней. Ничего, потом появится, назад проситься будет. А надо ли мне это? Мысль звякнула очень вовремя. В груди глухо сжалось дыхание, ладони стянулись в кулаки. И лишь по звону расколовшейся стеклянной столешницы я понял, что добил-таки журнальный столик а-ля модерн, который мы с Мариной купили пару месяцев назад, при переезде в эту обитель. Я тупо посмотрел на осколки и зажмурился.

Каждый из нас в глубине души лелеет мечту. Ту самую заветную — о второй половинке, с которой так хорошо сидеть перед телевизором, смеяться над бородатыми шутками, потихоньку стареть, зная, что счастье будет с тобой до конца... Полгода назад я думал, что включился в число немногих избранных, кто смог попасть в эту тайную сказку. Месяц думал, честно. А потом воздушный замок превратился в кабаре, словно в небесном калейдоскопе чья-то рука повернула кольцо и картинка сменилась с небесной чистоты на вычурную красноту борделя. Одна добрая душа просветила, чем занимается Мариночка по ночам, когда уходит «слегка потусоваться». Она ведь мне однажды заявила, что не собачка — сидеть на привязи, и я пошел ей навстречу. Словно идиот — по железной дороге навстречу скоростному поезду.

Злоба скрежетнула моими зубами и слегка отпустила. Был дураком Валентин свет Андреевич из рода Головлевых да и остался таковым — ничему жизнь не учит. Сегодня я просто не поехал за Мариной, хоть она и названивала мне минут сорок. Устал, наверное, быть таксистом при «переходящем призе». Надоело слушать злорадные шепотки за спиной.

Я встал с того же дивана, потянулся до хруста в спине и плечах. Похоже, пора завязывать с занятиями карате и плавно переходить на ушу. Все-таки четвертый десяток лет к финишу подходит. С сомнением оглядев бардак в квартире, я решил последовать примеру подруги и проветриться. Не пешком, как некоторые, еще чего. В прихожей нащупал в кармане ветровки ключи от BMW и как был — в костюмных брюках и «мокрой», стального цвета рубашке — покинул «уютную» пещеру. Через пару минут салон автомобиля принял брэнное тело хозяина в свои кожаные пенаты. Мотор заурчал преданным псом, ожидая приказа ехать. Пальцы машинально запустили «сидишник». Из динамиков полились хрипловатые слова разухаби-

стой песенки о яркой стороне рекламы, свежести и движении прогресса.

Ладонь плавно переключила передачу, нога надавила на педаль, и машина медленно сдвинулась с места, словно акула, учуявшая жертву. Козел, значит... Тварь крашенная, вот ты кто, Марина! В груди стало нехорошо и тягостно. Лицо словно стянуло засохшим клеем.

Я спокоен, совершенно спокоен. А чего такого? Ну, гульнула гражданочка на сторону пару десятков раз... Дело житейское. За стеклами светятся огни уличных фонарей. В небе пухло сияет бледная от злости луна.

Что я могу? Только поорать вместе с Пухом¹ на грани истерики. Эх, Маринка, видела бы ты, как я тут в машине вою. Но тебе, похоже, совсем не интересно, что да как у Вальки твоего. Лишь бы бабло давал да подвозил по свистку... Ссу-у-у... перемодель. Шоссе размазалось перед глазами, не успевая за спидометром.

В последнюю секунду перед тем, как педаль тормоза слишком легко убежала из-под ноги, я успел заметить на дороге красную тень в свете фар. «Лиса? В городе?» — пролетела мысль, а затем сквозь стекло пролетел уже я. Последней мыслью после удара о дерево стало смешное предположение. Как бы теперь Мариночка не решила, что это я из-за нее свел счеты с жизнью. Возгордится же, крашенная, как есть сомнение почесет. И мир потух, сжавшись до красной точки.

Глава 2 И БЫЛ ОН ЧИСТ И ПРЕКРАСЕН

Открыть глаза заставил дождь. Капли катились по запрокинутому лицу и жутко нервировали. Да и прохладно как-то становилось. По всему телу весело барабанили водяные горошины, сообщая, что чего-то явно не хватает. Поняв, чего именно, я стремительно подорвался и сел, вытаращившись на белый свет. Так и есть — гол как сокол... Это какая же... э-э-э... посмела меня раздеть и оставить под дождем на лесной поляне? Что за хрен под маринадом?!

А ничего так полянка оказалась — даже в сером свете ненастья внушала гринписовский экстаз. Цветочки там всякие не-

¹ Имеется в виду, что в салоне звучит песня А. Пушкиного. — *Здесь и далее примеч. авт.*

прихотливые, елки-папоротники вокруг... Я сглотнул, уставившись на дикое непотребство. Потому что неподалеку от себя осознал наличие могучего дерева, действительно похожего на папоротник своими безразмерными лопухами. Под одним из таких перистых покрывал стояла себе спокойно то ли сосна, то ли ель — короче, нечто разлапистое и игольчатое. Весь лес вокруг представлял собой такую странную смесь джунглей и тайги. А за серыми тучами, из которых сыпал дождь, почему-то тускло угадывались целых три источника света.

Где-то за спиной, почти рядом, нечто раскатисто зарычало с ленивой хрипотцой всесильного гопника, узревшего на своей территории новую тушку. Я подорвался с мокрой травки, окончательно убедившись, что из одежды имею только кожу, в несколько скачков добежал до сосны и вскарабкался примерно до середины ствола, едва ли не наяву ощущая горячее дыхание неприятностей на нижнем полушарии мозга. И действительно — подо мной обиженно взрыкнуло это самое нечто, заставив вжаться в смолистый ствол дерева. Я опасливо посмотрел вниз и выматерился от всей славянской души. Мы с неведомой зверушкой разглядывали друг друга минут пять. Тварь оказалась внушительной, чем-то похожей на вытянутого кошака, покрытого чешуей и мутировавшего на лишнюю пару когтистых лап. А в холке зверюга была вполне с половину меня ростом. Черная броня зверя влажно мерцала под дождем, слегка отливая красным. Глаза-плошки кокетливо поморгали желтизной, расщепленной вертикальными зрачками, после чего зверь преспокойно улегся под сосной, демонстрируя ленивую самоуверенность аборигена со стажем. Мол, куда ты денешься с подводной лодки, жертва будущей дегустации. Такое отношение меня всерьез обидело. Ах, так? Ну держись, ходячий коврик!

Я осмотрел свой насест и довольно улыбнулся. Не бывает на свете елок и сосен без шишек. И не бывает шишек без смолы. Дотянувшись тонкими руками до целой грозди этих даров природы, я... опупел. Тонкими руками? Зверь тут же вылетел из головы. Настал черед спешного обзора себя, любимого. И первой мыслью стало мнение, что мне меня подменили, нагло и беспардонно. Где крепкое подкачанное тело? Где кубики пресса, где бицепсы-трицепсы и прочие мужицкие «псы»? И где шевелюра, что должна быть на голове? Похоже, теперь я представлял собой какое-то субтильное существо, достаточно ловкое и диетически выдержанное. Ну, хоть ребра сквозь кожу не торчат. Увидел бы такого парнишку со стороны — решил,

что ему лет эдак шестнадцать-семнадцать за минусом спортзала и с одноразовым питанием, в смысле — раз в неделю пару крошек. Ладони еще раз прошлись по кристально чистой от волос макушке, а потом я чертыхнулся, когда понял, что смола вместо волос — не есть хорошо. Меньше всего мне понравилось то, что даже в тусклом сером свете пасмурного дня (или ночи?) кожа моего нового тела казалась очень бледной, почти светящейся.

Животине внизу явно надоела моя возня. Монстрятина поднялась на лапы, отряхнулась и лениво встала на задние лапы, возложив передние на ствол дерева на высоте в пару метров от земли. Взгляд котяры не предвещал ничего хорошего. Мои ладони сами нащупали по снаряду и запустили в чешуйчатую морду. Тварь недоуменно вякнула, получив шишкой в нос, фыркнула и с самым натуральным оскорбленным видом свалила из-под сосны. Как-то очень уж легко котяра сдался. Уже через минуту я понял, что могу себе не льстить: сквозь шум дождя донеслись какие-то голоса и звяканье железа. Еще через минуту я смог даже различить смысл слов. Болтали две женщины.

— Тут только что был аррах, моя лендерра. Надо быть осторожнее.

— Не утомляй меня нытьем, Валария. Эти твари не любят даже запаха наших скакунов, так что не пыхти. Аррах не сунет к нам и на арбалетный выстрел.

— Он кого-то стерег. Видать, загнал свой ужин на дерево. Дозвольте посмотреть?

— Давай, только быстро.

Сначала я хотел бодро скатиться вниз и кинуться к теткам в надежде, что они выведут меня из леса и сдадут в заботливые руки полиции. Вторым порывом было срастись с сосной, чтобы не засекали. Потому как ситуация странная и требовала досконального разбирательства. Кто-то же сотворил со мной такое превращение, да и хвости-переростки выше елей наводили на нехорошие мысли. Мое давнишнее увлечение фантастикой не оставляло простора для воображения. Налицо был классический фэнтезийный перенос, а я тут в роли того самого «попаданца», не иначе. От безрадостных мыслей меня отвлек насмешливый голос:

— Вот это улов! А ну-ка слазь вниз, малыш. Еще, чего доброго, аррах вернется.

Я с сомнением глянул на авторшу реплики, стоявшую возле ствола сосны, задрав голову. Типаж примечательный — среднего сложения, тонколицая, остроухая и безумно волоса-

тая. В смысле — черные волосы девушки были сплетены в толстую косу и почти касались земли. Это сколько же они в длину, когда распущены? Я молча слез с дерева и уставился на эльфийку снизу вверх с немым вопросом. Она оказалась на две головы выше меня и в плечах тоже раза в два шире. Одет эльфа была в темный камзол и такие же штаны из материала, весьма похожего на прорезиненную дождевку. На ногах блестяли влагой высокие сапоги. Да и вообще вся она была мокрой, словно прогулка под дождем — плевое дело.

Выражение лица остроухой менялось на глазах — от насмешливого к недоуменному, а потом и к нервно-заинтересованному. Взгляд ее приобрел странно знакомый блеск. Эльфа сглотнула и спросила:

— Ты откуда такой, малыш?

Я окончательно просек всю глубину своего падения, когда лесная бодибилдерша облизнула губы. Похоже, у нас тут любительница «горячего» нарисовалась к вечеру поближе... Наши гляделки оборвал недовольный голос со стороны:

— Долго ты еще будешь тут... Отойди от него, ничтожная, если хочешь жить.

Я недоуменно перевел взгляд, соображая, кому были адресованы эти слова. И наткнулся на холодный взгляд янтарных глаз, обладательница которых посмотрела на чернявую и по-прежнему холодно добавила:

— Этот гехай мой.

У меня возникло стойкое ощущение, что кое-кто попал в крупные неприятности. И этот кое-кто... Не будем показывать пальцем.

Глава 3 НИ РАЗУ НЕ ПЕСТИК

Валария спешно отскочила от меня, косясь на свою шефиню, босса... Госпожу? Как она там сказала? Лендерра? Типа «земле-владелица», что ли? Янтарноглазая красотка шагнула ко мне и наглым образом сграбастала поперек тушки, после чего закинула себе на плечо и вышла из-под елово-сосновых лап под дождь. Я уже хотел высказать все свое отношение к такому виду транспортировки, когда увидел, на чем эти дамы катались по лесу. Это были собаки. Да какие! Под стать давешнему кошаку, здоровенные, чешуйчатые, да еще и с перепончатыми крыльями. Как такое вообще может быть на свете? Да еще и по лесу бро-

дить? Крылья не мешают среди деревьев? Я аж заерзал от удивления. За что тут же звонко схлопотал по мягкому месту.

— Ты чего, совсем офигела, ушастая?! — не стерпел я такой фамильярности, извернулся и заехал локтем эльфе в ухо. А чего стесняться? Да каждая из них вдвое крупнее несчастного меня. Та от неожиданности охнула, уронила мою тушку в траву и зашипела, прижав к пострадавшему органу ладонь. Я же воинственно продолжил, вскочив на ноги: — Как ты там меня назвала? Пихай?! Я те щас так пихну!

Карате — наше все. Ноги в стойку, руки в позицию, к нам не подходи, «а то заножу»... Когда офигевшая от моей непосредственности «эльфа» протянула грабли, чтобы вновь схватить, я провел классический чудантэ... И взвыл от боли в руке. Стена — и то мягче, чем эта лесная мамзель с заточенными ушами! Но удар подействовал. Эльфийку отнесло на несколько шагов. Она с гримасой на лице подержалась за живот, после чего с ревом оскорбленной гориллы бросилась ко мне, явно намереваясь «качать и не спущать». Пришлось встретить ее не менее стандартным маваши. Скажем так, попытаться встретить. Оказывается, это только в книжках попаданец, владеющий боевыми искусствами, валяет всех направо и налево. В реальности — новое тело никак не умело проводить всякие выкрутасы. И обломался я по полной программе. Моя новая тушка явно знать не знала и ведать не ведала, что такое растяжка. От боли я зашипел и грохнулся в траву, провив что-то вроде проклятия авторам попаданческой литературы. Сильные руки лендерры зажали не хуже стального капкана. Эльфийка злым взглядом уставилась мне в глаза, после чего прошипела куда-то в пространство:

— Валария, одеяло под дерево!

— Да, моя лендерра, — отозвалась откуда-то сбоку черноволоска, а я пискнул, теряя последнее дыхание. Сообразив, что до плохого осталась пара мгновений, эльфа ослабила хватку и холодно прошипела:

— Ты мой, гехай! И я это докажу здесь и сейчас. Я привяжу тебя к себе навечно, раб. И ты будешь повиноваться малейшему моему желанию.

В янтарных глазах растеклось нечто откровенно мерзкое, что не стало для меня открытием. Так же таранилась под сосной Валария. Но сам факт! Никогда не был сторонником жестких отношений! Спасите-помогите, мать вашу! Я завертелся в попытке хоть как-то освободиться, но эта ушастая любительница экстрима пресекла все попытки продинамить некоторых желтоглазых эльфиек...

Когда остроухая схватила меня за руки, чтобы обездвижить, горячая злость валом пронеслась по моему телу, а затем красные сполохи охватили нас обоих. Словно кровь застила взор. Чтобы какая-то хамоватая перекачанная баба вот так вот спокойно заломала и натворила чего душе угодно?! Никогда такого не было! И не будет! Прибью тварь! Ярость через мгновение сменилась ледяным спокойствием. От моих запястий, цепко ухваченных сильными пальцами странной женщины, по ее коже потекли ломаные фосфорно-синие узоры, похожие на татуировку. Как будто ее конечность запуталась в льдистой колючей проволоке. Лендерра застыла наваленной на меня статуей. И наконец-то заработала моя голова. Что вообще происходит? Дичь какая-то! Сильные женщины, явно нередкие мужчины-задохлики... Что за мир такой? Матриархат, что ли? Вот это я попал. И ладно бы в своем теле — так нет, бледная спирохета какая-то! Я попытался сбросить с себя тело эльфийки, но не тут-то было. Она придавила меня к одеялу безжизненной тряпкой, увесистой такой и холодной. Голос Валарии настороженно спросил сквозь шум непрекращающегося дождя:

— Моя госпожа? С вами все в порядке?

Я же, пользуясь неподвижностью невольной «статуи», с оханьем выбрался из-под остроухой и повалился в прохладную траву, ощущая в каждой мышце последствия показательного процесса «кто в доме хозяин». Вот же ушастая... Ничего, отольются кошке мышкены слезы!

Суетливая возня рядом привлекла мое внимание. Валария с ужасом на прекрасном утонченном лице пыталась расшевелить свою лендерру, судя по всему — безрезультатно. А вот у меня все быстро пришло в норму, даже сам не поверил сначала. Но уже через пару минут боли как не бывало — словно и не было этих чудовищных «обнимашек». Красная вспышка на обеих моих руках заставила нас с чернявой уставиться на запястья. Словно красные вены проступили на бледной коже, образовав рисунок, похожий на травяной кельтский узор родного мира. Валария с подозрением посмотрела мне в глаза и вернулась к своей госпоже. Почти в то же мгновение она испустила сдавленный крик. Я сунулся посмотреть и оторопел — на шее бледной несостоявшейся насильницы красовался такой же красный узор, что и на моих руках. Чернявая с диким выражением лица глянула на меня и отшатнулась. После чего ее лицо выразило совсем уж непостижимую гамму ужаса, страха, вос-

хищения и вожделения, и неожиданно для меня она сложилась в низком поклоне, бормоча под нос:

— Смилуйся над смиренной слугой твоей, ренгехай...

Я же осторожно потыкал босой пяткой бок беспамятной остроухой, закованной в какие-то узорчатые латы, и просипел:

— Я тебе не пестик! Не пестик я! Поняла?!

Злая ярость вновь стала расти снежным комом. Второй тычок босой ноги пришелся лендерре уже в лицо, но меня тут же мягко схватили за плечи и оттащили прочь от успевшей «разледенеть» тушки. Валария умоляюще заглянула мне в глаза и сказала:

— Не надо, ренгехай! Не надо! Госпожа и так уже наказана!

— Этими картинками, что ли? — спросил я, не думая успокаиваться.

— Этими оковами, ренгехай, — совсем тихо ответила черная эльфийка.

И столько тоски было в ее взгляде и голосе, что мне даже стало интересно... А что случилось-то?

Глава 4 ХАЙ — ОН И В ДРУГОМ МИРЕ ХАЙ

Черноволосая эльфийка, даже в доспехах умудряясь оставаться грациозной, опустила на колени возле все еще балластящейся командирши и принялась молча раскачиваться взад-вперед. Я же только в этот момент обратил внимание, что неведомо чем контуженная вполне блондинистая особа. Встречал уже таких. Куда бы деться — «я пришла, склонитесь, черви». Именно про таких говорят: «Раздайся, грязь, — оно плывет». Сейчас белобрысая отсутствовала в этом мире. А вот почему — знала ее напарница, но рассказывать не спешила. И вообще как-то странно она себя повела, эта Валария — словно мешком пустым ушибли из-за кривого угла да наискосок.

Стоило шевельнуться, стряхивая с лысой макушки капли воды, как эльфа испуганно зыркнула в мою сторону и притихла. Как-то неуютно чувствовать себя чудовищем, особенно в глазах такой красотки. Я как можно строже сказал:

— Рассказывай!

Не надеялся, конечно, на нормальную реакцию после всего, но чем черт ведьму не приголубит... Валария бросила еще один взгляд на дрыхнущую лендерру, вздохнула и ответила:

— Уже совсем ночь, ренгехай. Не лучше ли будет отправиться в ваш даракаль? Там мы спрячемся от Вечного Дождя, и я смогу в спокойной обстановке все рассказать.

Она мне еще и условия будет ставить! Я совсем обнаглел, поймав словечко «ваш», и распорядился:

— По дороге расскажешь, что успеешь. Долго ехать?

— Меньше часа, ренгехай, — приободрилась эльфа, сверкая черными глазищами.

Она поднялась с травы и отдала громкую лающую команду. Два крылатых пса тут же прекратили изображать статуи и подбежали. При этом они явно сторонились моей персоны, но Валария лишь прикрикнула на псин, заставив одну из них принять меня в качестве седока, вдвесок к тушке ее любимой хозяйки. А потом был долгий путь под струями дождя, пологом леса и тремя бледными светилами за серой пеленой в небе. Валария рассказала за время пути много интересного.

В здешнем обществе оказалась строгая кастовая социальная система. В самом низу пребывают ло — крестьяне, бродяги, певцы и всякие низшие рабы. Канло, например, означает бродячего батрака, нанимающегося на поденную работу, где найдет. Варло — крестьянин, быдло — нищеврод... Над последним я поржал. Странными путями ходят слова по мирам. И ведь правильное значение, надо же. Средняя каста, мид — это ремесленники, рабы над рабами, купцы низких гильдий, наемники, ученики и адепты местных школ магических сил. Много кого. И высшая каста — хай. Эти поголовно наделены магическими силами и знаниями. Аристократы, высшие маги, ученые всех мастей, одним словом — хозяева. Но именно в этой касте есть свои внутренние градации. Услышав, как называются элитные воины, низ высшей касты, я чуть не рухнул с гарва (так назывались эти пресловутые собачки, на которых мы ехали). Просто не поверил своим ушам. Урукхай! Элитный воин Ламары, одной из самых больших стран на континенте Каван. Чуть выше урукхаев идут, пардон, хайло. Вот уж иначе не скажешь! Это прислуга в домах знати, простые ученые, администраторы. Они вроде бы тоже хозяева, но мелкие, как посредники между нехозяевами и хаями.

Над хайло стоят хаймид — все маги, кроме тех, кто является хаем по рождению или главенству в магическом ордене или школе. Еще выше как раз гехай, то есть и я тоже. Буквально это означает «под старшим». Буквально это и понимается, как объяснила Валария. Подстилка — она и в Африке подстилка. Аккумулятор, батарейка, ходячий НЗ, мать их за ногу и каша-

лоту в глотку... Назначение у гехаев одно-единственное: тебя отлюбили, ну или изощренно поколотили — от тебя подзарядились. На самом деле весьма почетная обязанность, попыталась внушить мне чернявая. Существа-батарейки на просторах Кавана большая редкость. Так что мне стало понятно, с чего вдруг янтарноглазая так разошлась. Запечатление она хотела произвести, ничего личного. Чтобы никто другой не смог воспользоваться мной в своих целях. Но, судя по взглядам Валарии, все пошло не так, как надо (с их точки зрения, мне-то все зашибись). И самое главное — в этом странном мире верховодят женщины. У мужчин роль только одна — ублажать, прислуживать и терпеть. От одной мысли стать постельным рабом или там слугой такой вот женщины, как блондинка с янтарными глазами, мне поплохело. Мне и вначале-то не понравилось, куда попал, а теперь вообще остро захотелось обратно, в родную квартирку, на привычную работу, на набившие оскомину серые улицы. Матриархат во всей дурной красе. Женщины во главе всего: в армии, во власти, в доме, на улице... Кланяйся и не смотри в глаза, а то огребешь. И подчиняйся, подчиняйся! Только я мог так влипнуть. Новое тело, бледное и немощное, также оптимизма не добавляло.

Я мрачно глянул на лендерру, примериваясь — добить или нет? Черноволосая уловила мое настроение и торопливо продолжила рассказывать о кастах, испуганно поглядывая в мою сторону. Выше всех, конечно, хай — просто, без всяких добавок. Аристократия, бомонд, белая кость, острое ухо... Они не привыкли себе в чем-то отказывать. И естественно, зачастую ведут себя по-скотски, добавил уже я от себя, чем вверг Валарию в ступор на пару минут. А лес вокруг совсем потемнел — ночь неотвратимо вступила в свои права. И уже в этой таинственной темноте я узнал, кто же такие ренгехай, в разряд которых меня перевела эльфийка-воин. Гехай дают энергию, хотя сами не могут ею пользоваться — ну, не маги они, хоть ты тресни. Ренгехай тоже не маги, но они забирают энергию во время... э-э-э... того самого. И рассеивают. Они очень редки и все наперечет. Каждый ренгехай — тайное оружие правителя. Подошлешь такого к неудобной хай — и вуаля, выносите тапки, кончилась магия, перестала владеть силами лет так на сто.

Я обдумал новость. Выходит — лендерра теперь вовсе и не крута? Типа моя мстя уже свершилась? Да ну на фиг! Малова-то будет! Чего-то нет никакого чувства удовлетворения. Нарочито резким тоном я приказал Валарии продолжать поучительный рассказ.

Во главе королевства Ламара стоит великая хай, сейчас это Диодерия XVI Хитрая. Но ее власть не единолична — существует еще так называемый Хай-Даракаль. Что-то вроде парламента или сената. Орган власти, в котором представлены все высокие дома страны, все ордены и школы, все сословия высшей касты. Они в любой момент имеют право одернуть великую. Правда, с Диодерией этот номер вряд ли пройдет, поделилась Валария, поскольку Шестнадцатая прекрасно умеет разделять и властвовать.

Попытавшись переварить полученную дозу информации, я плюнул на это гиблое дело и спросил у эльфийки:

— Так что это за татухи повывлазили на нас с блондиночкой?

Валарию передернуло от моей фамильярности, но она проглотила все возражения и ответила:

— Я не знаю, что такое эти та-ту-хи...

— Рисунки на моих запястьях и на шее у твоей госпожи, — с досадой уточнил я.

— Это кандалы подчинения, очень редкое заклятие, из Палаческой Пятерки Сил, — хмуро ответила эльфа.

Дождь вокруг нас и не думал стихать. Меня это уже стало напрягать — так и до простуды недалеко. И тут вспомнились слова чернявой про Вечный Дождь. Надеюсь, она это говорила не буквально? Валария тем временем после непродолжительного молчания сказала:

— Если бы мы знали, что вы палач...

— То что? — делая морду тяпкой, поинтересовался я. — Мило потрепали бы меня по щечке и позволили уйти? Сомнительно как-то.

Остроухая прошипела что-то себе под нос. А потом мой гарв злобно рывкнул на темноту впереди и остановился. Крылатый пес с Валарией на спине также замер. Ночь озарилась синей молнией, зигзаги которой смертоносной паутиной ринулись на нас сквозь стену дождя. Через мгновение рядом со мной взвилась тень со вздетой в темноту рукой. И время остановилось.

Глава 5 МОЙ ДЕВИЗ — «НЕ ПОНИМЭ»

Почувствовать себя жертвой американской системы правосудия я не успел. Электрический стул, предназначенный для моей брэнной тушки, волевым усилием отменила та, от кого

никто не ждал сюрпризов. Ломаные змеи молний вонзились во вскинувшуюся янтарноглазую, отчего эльфа стала похожа на шаровую молнию, — правда, всего на пару секунд. После чего ушастая отправила молнии в обратный полет и преспокойно вернулась в состояние хладного полутрупа. Заняло это все долю секунды, а потом меня словно вырвало из седла, и очень вовремя. Два каких-то типа разбойной наружности повисли на сбруе гарва... Собачка не поняла фамильярности и высказалась в духе «кляц-кляц», отчего жертва зуботерапии с визгом укатилась в мокрые кусты. Я же благополучно оказался на очередном дереве, толстые ветви которого даже не дрогнули под моим весом.

Второй бандит не растерялся и попробовал допрыгнуть до моей ноги, за что и схлопотал пяткой куда-то под темный капюшон. Хлесткий окрик из-за пелены дождя заставил всех замереть. Новый насмешливый женский голос прокричал:

— Эй, детка! Слезай, а не то твоей подруге худо будет!

Первые секунды я озадаченно моргал, соображая, кто тут у нас успел друзьями обзавестись, а потом услышал сдавленный писк Валарии:

— Не надо!

Ну вот что за непруха! А невидимая атаманша продолжила речь:

— Клянусь, если ты сам отдашь себя в мои руки, этой воительнице ничего не будет! Отпущу с миром!

— А ты кто такая? — крикнул я в ответ, пользуясь заминкой, чтобы отдохнуть от потоков воды с неба и проверить — не выросли ли на шее жабры? Дождливый мир всерьез начинал напрягать. Да и то, что я все еще щеголял тут с голым задом, тоже не добавляло хорошего настроения. Холодно, мокро, противно и скользко... И струйки воды по телу, цеплявшие прохладой в ненужных местах. Главварь нападавших соизволила ответить:

— А вот ты спустись и посмотри!

Делать нечего — Валария мне худого не делала, чтобы бросать ее на растерзание чудилам на букву «м». Я нехотя спустился на землю, мгновенно оказавшись в грубых объятиях разбойника, не пострадавшего от внимания моего крылатого пса. Чернота под капюшоном сверкнула зелеными огнями глаз, и приятный голос пропел в ухо:

— Ты мой маленький...

— Гаста, веди его сюда! Живо! — сердито рявкнула все та же атаманша.

Зеленоглазка, а это оказалась еще одна представительница местного «сильного» пола, как-то странно дернулась и медленно повела меня под дождем. Шагов через двадцать мы оказались возле сладкой парочки. Валарию держала за хрупкую шею настоящая альбиноска. Эта «ельфа» была даже покрупнее лендерры, безмятежно валявшейся у лап моего гарва. Красные глаза бандитки очень нехорошо глянули на мою конвоиршу, отчего та отпрянула от меня и застыла. Я задумчиво посмотрел на притихшую Валарию, глаза которой успели закатиться, и сказал:

— Задушишь ведь несчастную.

— Что? — опомнилась атаманша и спешно отпустила свою жертву. Валария шмякнулась в траву, прикидываясь ветошью, а я сказал, ежась от холодных струек воды на коже:

— Вот, смотрю.

— Можешь называть меня Леверия, гехай, — довольно улыбнулось белое пятно в ночи. — Я не вижу у тебя на шее знаков слияния, малыш, а значит — твоя судьба решена.

— Неужели? — Во мне проснулось злое веселье. — Лендерра тоже думала, что выиграла в лотерею, вон теперь валяется в отключке.

— Чего? — Альбиноска явно не поняла половины из того, что услышала.

В это мгновение какая-то тень пронеслась мимо меня, сграбастала бледную эльфийку и уволокла в ночную тьму под вопли протеста. Перестав что-либо понимать, я осмотрелся. Вроде тихо. Валария между тем медленно поднялась на ноги и пробормотала, потирая шею:

— Проклятые дегенераторы...

Поняв, что опасность миновала, я задумчиво глянул на эльфу и спросил:

— Как ты сказала?

— Это были охотники за энергией, похитители Сил, — ответила Валария, видимо считая, что все объяснила.

Пока мы водружали на место ее госпожу и успокаивали собачек, я все же вытащил из остроухой воительницы более-менее внятное объяснение. И этот гребаный мир совсем перестал мне нравиться — вот ни грамма позитива.

Магия этого мира питается из трех источников: Хтона, Ливица и Медоса. Хтон поддерживает жизнь в магических существах, Ливиц дает силу магам и волшебникам, а Медос питает предметную магию. А еще существует такое явление, как Хтолим, — иначе говоря, «пустосила», не производящая магической энергии, а питающаяся ею. То есть не «генератор», а «де-

генератор» магии. Тем же словечком на континенте Каван называют типов, промышляющих чужой энергией. Что они потом с ней делают, уже мало кого волнует. Процесс же отбора изрядно неприятен и кровав.

Из рассказа я сделал вывод, что на нас напали магические вампиры, учуявшие источник энергии, меня то бишь. И тут что-то коротнуло в логике. Я взгромоздился на гарва и спросил у Валарии:

— Если я ренгехай, отбирающий силу, но при этом еще и источник ее, то... Ты бред говоришь. Так разве бывает?

— Госпожа Тристания смогла бы лучше объяснить, — с сожалением в голосе ответила эльфийка и пожалала плечами.

Я глянул на лендерру, все еще дрыхнущую на холке крылатого пса. Ей даже ливень нипочем! Значит, желтоглазую зовут Тристания. Ну, ешкин кот, Изольд, ты и влип... Это я уже о себе подумал. И спросил:

— Почему она пришла в себя, а потом опять отключилась?

— Что сделала? — не поняла эльфа.

— Ну, отрубилась, уснула, — сердито добавил я.

— Она защищала хозяина. — Взгляд Валарии не был образцом дружелюбия.

Черт с тобой, золотая рыбка. Я с сомнением поинтересовался:

— Долго она еще валяться будет?

— До утра точно, — обрадовала Валария, настороженно осмотрелась по сторонам и добавила: — Надо побыстрее добраться до даракаля, ренгехай. Только там мы будем в безопасности. Урукхай ленда смогут нас защитить.

— Надо — значит, едем, — ответил я, чувствуя, что холод добрался уже до костей, облизываясь в предвкушении «погрызть до ломоты». Хотелось оказаться у огня и сжевать чего-нибудь протеинового.

Минут через двадцать мы добрались до странного забора — ажурная решетка возвышалась метра на три над землей и почему-то казалась живой. Когда псы побежали вдоль ограды, я потянулся пощупать изделие местных умельцев, но был остановлен испуганным воплем Валарии:

— Стойте! Это не стена!

Отдернув руку, я заинтересованно уставился на эльфу. Та пояснила:

— Сожрет же, ограда живая, ренгехай.

Слава елкам, хоть ворота нашлись быстро. На территорию даракаля, поместья по-местному, нас пропустили трое совсем

уж здоровенных остроухих мужика-амбала в мерцающей броне и со странными штуками в руках. На копья не было похоже. Скорее уж винтовки огромного калибра с вычурными топорами на цевье — гибрид бердыша и мушкета. Они дружно потащились на стриптизирующего меня и равнодушно вернулись к работе по охране границы лендерских владений. Ну хоть кто-то не кинулся хватать!

Когда мы добрались наконец до большого замка посреди леса, я задумчиво квакал на разные лады, соображая, как передать ту или иную эмоцию тремя звуками, — погода располагала. Валария жестом попросила меня спешиться, а потом три раза ухнула голодным филином. Ночной двор тут же заполнился другими эльфийками и эльфами, которые расторопно увели собачек куда-то в темноту. Тушку хозяйки некоторые из них бодро потащили к большим дверям. Мы с Валарией двинулись за ними и вошли в ярко освещенное помещение, похожее на каменный мешок, — ни ковров, ни мебели, вообще ничего, кроме еще одной двустворчатой двери напротив входа. Прислуга изо всех сил отводила глаза, но у нее это плохо получалось. Впрочем, мне было плевать — в голове сидела занозой жажда тепла, которого пока не было и в помине.

Валария торжественно показала потолку несколько малоприличных жестов, и я ощутил, что больше не мокрый. Вообще ни на каплю! И в эту секунду другие двери этого шлюзасушилки распахнулись, в ярко светящемся проеме возник некто и прогудел:

— Добро пожаловать домой, хай Валария.

Я бледной мышкой выглянул из-за спины эльфы, куда успел залететь, и еще раз посмотрел на эту гору мышц с рогами на голове. Минотавр шумно выдохнул, улыбнулся, показывая отнюдь не травоядные зубы, и мигнул. После чего развернулся и исчез, давая дорогу в огромный зал, наполненный теплом и запахами еды. Словно многотонный удушливый матрац навалился сверху. Ешкін кот, только-только стало суше и лучше, успел подумать я, проваливаясь в темноту.

Глава 6 ДЕЛУ — ЧАС, ПОТЕХЕ — ВРЕМЯ

Очнулся я под теплым пушистым одеялом на огромной кровати под бордовым балдахинном, с витыми ножками. И с ходу подскочил, сжав кулаки, памятуя о том, что грохнулся в об-

морок, едва переступив порог даракаля. Однако в большой комнате с витражными окнами, за которыми мирно шумел все тот же дождь, никого лишнего не нашлось. Да и связан я не был. И вообще никакого урона не ощущал. Сердце постепенно перестало отбивать атакующий марш, а в голове закрутились мысли. Все-таки вышка за плечами. Пусть я и учился на филолога, но основы психологии нам давали. И разум спокойно нашел объяснение обмороку. Футуршок — звучит бестолково, но объективно. Сколько раньше читал про попаданцев — всегда удивлялся: почему бравые герои так легко и стремительно вращались в новую обстановку? Тут же дело не в разуме. Подсознание никак не могло так быстро принять глобального изменения. Психика человека — вещь гибкая, но при этом парадоксально консервативная. Похоже, осознав, что опасности кончились, мой мозг просто ударился в панику этого самого футуршока и благополучно отрубился, чтобы переварить перенос и потерю всех привычных ориентиров.

Сейчас же никаких истерик в голове не шевелилось. Зато всю ворочался зверь в пузе — жрать хотелось невероятно. Я осмотрелся более внимательно, вскользь заценив ажурную мебель а-ля «новозиландиш хоббитэльф от Джексона». На кресле рядом с постелью кто-то аккуратно сложил кипу одежды шикарного черного цвета. С трудом натянув на себя тканевые презервативы, по недоразумению скроенные как штаны и футболка, я искал зеркало, чтобы ужаснуться внешнему виду. Трельяж нашелся слева от деревянной входной двери. Наконец-то я смог в полной мере потаращиться на себя обновленного. Ничего так пацанчик, только вот лысенький и очень бледный, но это дело поправимо — солярий там и припарки на макушку поправят дело. А вот невольный стриптиз с такой одежкой основательно смутил. Да лучше голым ходить, чем вот так вызывать у окружающих женщин повышенное слюноотделение. Особенно в свете последних событий. Я ведь тут и без того числюсь за олимпийскую медаль. Всякая норовит сграбастать и войти в контакт ну очень близкого рода. Так что я стащил с себя пресловутую футболку, после чего с сомнением задумался над проблемой штанов. Что совой об пень, что пнем об сову — все едино сверкать анатомией. Это не по мне.

Дверь в покои торжественно распахнулась, обдав кожу морозом. В комнату заглянула Валария, устала на пустую кровать и охнула, но тут же зацепилась за меня взглядом и спросила:

— У вас все в порядке, ренгехай?

— Не совсем, — буркнул я в ответ. — Со штанами бы разобратся.

— А что не так? — удивилась эльфа, смерив меня взглядом, и в ее глазах влажно блеснуло давешнее выражение оголодавшей змеюки. — Блаженный Хтон, я совсем не подумала об этом.

Сама она, кстати, успела выбраться из темных доспехов, в которых путешествовала с госпожой по лесу, и теперь красовалась в эффектной коричнево-черном платье до пола, с глубоким декольте. И прическа остроухой разительно изменилась. Вместо косы за ней струился настоящий шлейф неземной красоты. Черные пряди словно жили собственной жизнью. От этой мысли я поежился. Все ведь возможно.

Она с видимым усилием взяла себя в руки, бодро вошла в спальню, сунулась под кровать и выволокла плоский широченный ларь с крышкой на замке. Запор щелкнул, крышка стукнула об пол, и я увидел ворох шмоток. Нам хватило всего пары минут, чтобы найти более приличное одеяние взамен того, что призвано изображать вторую кожу. Симпатичные красные шаровары шириной с коттедж мэра средней руки и цветастая распашонка в гавайском стиле довершили гардероб.

Оглядев результат совместных усилий по приданию мне приличного облика, мы с эльфой переглянулись и обреченно вздохнули в унисон. Серой мышью мне тут не быть. Ну хоть стало комфортнее. Валария почтительным жестом указала на дверь, и мы покинули комнату, оказавшись в широченном коридоре. Знакомый гулкий голос за спиной заставил содрогнуться и опять спрятаться за Валарию:

— Сахарок проснулся?

Давешний минотавр утесом возвышался над нами, разглядывая огромными смеющимися глазами. Через пару секунд он протянул широченную лапу в недвусмысленном жесте. Я робко протянул свою лапку, опасаясь остаться без оной, но пожатие оказалось вполне терпимым, почти нежным... Минотавр пробасил:

— Я зовусь Горотур, ренгехай Сахарок.

— Чего? — заморгал я.

— Идем, идем, — поспешно встряла Валария, уводя прочь от хамской морды.

— Как он меня назвал?! — Я попытался дернуться назад, к минотавру, чтобы начистить наглую рожу, но эльфа вдруг резко сжала мое плечо, заставив охнуть от боли. Это было настолько неожиданно, что я опешил на пару мгновений.

Валария воспользовалась моментом и сказала, продолжая тащить меня по коридору:

— Ведите себя подобающе! Слуги вправе давать свои имена хаям, им так легче переносить свое положение. Главное, чтобы имя было не оскорбительным и не позорящим.

— Сахарок?! — вяло уточнил я.

— Забудьте, нас ждет лендерра Тристания, — добила новость Валария.

— Где ждет? — наивно спросил я.

Судя по выражению, возникшему в глазах эльфийки, она была готова срифмовать ответ почти так же, как это сделал бы я. Но... Другая страна, другой мир, другой менталитет. Рифма могла оказаться не в пример круче. Так что я послушно поспешил за остроухой — от греха подальше. Когда блуждания по даракалю стали напоминать исследования лабиринта, я отпустил на волю вопрос, отчаянно чесавший мне язык:

— Горотур же не такой, как вы? Кто он? Минотавр?

— Мино... Кто? Нет, нет, ренгехай! — Валария улыбнулась. — Он самый обыкновенный тур, его же так и зовут. Тур из семьи Горо. Что поделаешь, у варваров имена очень простые, и никогда не поймешь, кто там у них в роду старший, а кто — изгой.

— А вы тогда кто? — насторожился я. — Эльфы?

— Разумеется, — подтвердила Валария, глянув слегка озадаченно. — А вот вы, например, типичный моркот.

Это заставило меня заткнуться. Я — моркот, какое счастье, коромысло ему в поддувало... Как бы все-таки извернуться и узнать об этом мире побольше, не выдав себя? Фиг их знает, как тут воспримут новость об иномирянине. Не хочется оказаться совсем уж в полной заднице. Пока думал, эльфа дотащила меня до огромных белых дверей и почти втолкнула в зал, очень похожий на столовую лиц так на пару сотен. Огромный стол тянулся от входа до огромного панорамного окна, изображающего разноцветьем стекол батальную сцену. Под мордой страдающего от изжоги стеклянного дракона мирно сидела лендерра и что-то неторопливо жевала. Подняв голову на шум, Тристания хмуро выпрямилась в кресле и что-то сказала. На таком расстоянии мой слух отказался разбирать бормотание, а вот Валария, похоже, все услышала и поволокла меня дальше, к лендерре. На подходе к хозяйке поместья я с удивлением понял, что блондинистая эльфийка не просто отдавала дань чревоугодию. Она при этом еще и банально читала раскрытый фолиант... Пряма как я дома. Вообще не понимаю тех, кто может

трескаться, не втыкая взгляда в буквы. Это же несварение можно заработать, думая над тем, что именно пережевываешь со всей химией вместо витаминов.

Хозяйка даракаля тоже приделась по случаю — платье переливалось всеми оттенками синего, от фиолетового до голубого, при каждом движении. И только растерянность не дала мне затаить дыхание. Она на самом деле обладала сногшибательной красотой, как и ее подчиненная Валария. Да и вообще еще на входе, разглядывая толпу слуг, я обратил внимание на то, что среди эльфов вообще нет некрасивых.

Как только мы с лендеррой оказались рядом, наши узоры засветились, словно обрадовавшись друг другу. Тристания скривилась и сказала обволакивающим прохладным голосом:

— Прошу ренгехая разделить со мной скудную трапезу.

— Да уж, нищета полная, — не утерпел я, разглядывая снедь на столе, всяких там жареных тварей, салаты и прочие корочки хлеба. Завтрак так себе — персон на десять. Действительно, скудно и бедно. Эльфа уловила мой сарказм и слегка улыбнулась:

— Если господин позволит спросить, вы готовы освободить меня от оков? Я приношу свои извинения за ту непростую ситуацию, в которую поставила вас и себя своим поведением в лесу прошлым вечером.

И что я мог ответить на эту тираду? Правильно — ничего. Неопределенно пожав плечами и сохраняя морду тяпкой, я уселся на одно из свободных кресел, притянул к себе ближайший поднос с какими-то печеными фруктами и занялся усмирением оголодавшей твари в своем животе. Тристания восприняла мое молчание спокойно, лишь вздохнула и продолжила речь:

— Понимаю, что такие события не идут на пользу нашим отношениям, но тешу себя надеждой, что вы начнете доверять мне и позволите вернуться к непосредственным обязанностям управления лендом.

— А кто не дает-то? — ответил я с набитым ртом.

Валария, торчавшая за спиной своей госпожи, чуть не поперхнулась воздухом. Лендерра же вздохнула:

— Я, как ваш шицугехай, обязана буду следовать за вами повсюду, а состояние дел в ленде сейчас таково, что мое отсутствие скажется на них совсем печально.

— Да вроде пока никуда не собираюсь, — проворчал я в ответ, блаженствуя с куском фрукта во рту, который напоминал по форме огурец, а по вкусу сушеный мандарин. Не мог же я ей

сказать, что понятия не имею, как освободить от этих красных каракулей на шее, кто такие моркоты и чем седалище отличается от бренной жизни? Вот и я о том же. Но вежливость взяла свое. Пришлось озадачиться и выдать что-нибудь не менее обтекаемое: — Думаю, вы не откажете мне в удовольствии погостить в вашем доме несколько дней и подумать над вашим предложением...

Я многозначительно глянул в глаза Тристании. Эльфийка меня прекрасно поняла и сказала:

— Разумеется, моя благодарность за ваше снисхождение к моему проступку не покажется вам чрезмерно малой. Скорее — наоборот, ренгехай.

На этом светская беседа сдулась. Мы прекрасно ничего друг другу не пообещали, завтрак кончился, а я остался с безумным количеством вопросов на языке. Напоследок Тристания спросила:

— Наверное, вам будет интересно осмотреть мой даракаль?

Эльфа явно пребывала в прострации от происходящего. Еще бы — только недавно была всемогущей аристократкой, землевладелицей, а тут влипла по самые уши и теперь не знает, что да как. Я решил не травить ей душу еще сильнее и пошел на уступку:

— Буду благодарен, если ваша помощница Валария покажет мне здесь все.

На лице лендерры проступило откровенное облегчение, а мы с чернявой удалились из зала. Валария оказалась проводницей на редкость самовлюбленной — она таскала меня по всяким комнатам и коридорам, даже не заметив, что я совершенно не слушаю, а предаюсь собственным мыслям, лишь изредка поглядывая по сторонам, чтобы не заблудиться. В какой-то момент мы оказались в удивительно светлом саду. Среди всевозможных окультуренных растений, освещенных десятком висящих в воздухе шаров, я заметил странную парочку. Одно существо выглядело как нечто склеенное из бесчисленного количества зеленых древесных листьев с соблюдением всех необходимых пропорций. Глаза у садовницы, а никем иным она быть не могла, сияли подозрительно знакомой зеленью, отчего у меня в животе мгновенно образовался кусок злого льда. Как же ее назвала та альбиноска? Я напрягся, вспоминая имя. Ходячий гербарий заметила мой интерес и мгновенно растворилась среди кустов и деревьев. В это мгновение Валария обратила мое внимание на еще одного обитателя сада.

Увидев низенькое создание с огромными пушистыми ногами, я чуть не сел на землю. Перед нами среди каких-то синеватых цветов прохаживался самый настоящий хоббит с трубкой в зубах. Он сердито ворчал что-то себе под нос и ловко подрезал огромными ножницами некоторые растения. Эльфа улыбнулась моему офигению и прошептала на ухо:

— Это праншас, один из неуловимого народа покровителей травы. Каким чудом моя лендерра уговорила его хранить внутренний сад даракаля, до сих пор никто не знает, а ведь Тэмми появился здесь еще до моего первого совершеннолетия.

— Это сколько лет? — уточнил я, разглядывая праншаса.

— Больше двухсот уже, — ответила Валария.

Это сколько же тогда Тристании? Я сглотнул, чувствуя острый информационный голод. Библиотека — вот что меня спасет! Вспомнился талмуд на столе перед хозяйкой поместья. Откуда-то же эта книжища взялась. Едва мы покинули сад, я остановил Валарию и спросил:

— Где у вас книги хранятся?

— У нас три библиотеки, — гордо ответила эльфийка. — Научная, житейская и законная. Хотите посмотреть?

— Хочу почитать, — буркнул я. — Законная — это как?

— Законы, постановления, реляции, указы королевы, все это хранится в личном кабинете лендерры, но туда сейчас идти не стоит, — с сомнением в голосе сказала ушастая красотка.

— Почему это? — нагло спросил я. — Не пустит?

— Пустит, — вздохнула чернявая.

— Мне бы в научную, — смиловился я. — Надо кое-что узнать.

Валария молча повела дальше по коридорам. Минут через двадцать мы добрались до цели. Я ожидал лучшего, право слово. Всего какая-то пара сотен талмудов в маленькой комнате с полками, столом и креслом как-то не впечатлили. Но выбирать не приходилось. Здесь тоже было витражное окно — на этот раз какая-то мадам висела на суку посредством веревки. Жизнеутверждающая картина настолько озадачила меня, что провожатая не могла не удариться в объяснения:

— Это панно изображает святую Жозефу, удавившуюся во славу Хтона. Благодаря ее поступку несколько сотен лет назад силы Хтона вернулись в наш мир, впервые после убийства последнего дракона.

— Ага, — кивнул я, — бодрит, однако.

В это мгновение за разноцветным окном появилось светящаяся точка, которая явно приближалась. Уж не запустил ли какой доброхот в наше окошко фаербол? После молний в лесу я бы не удивился... Валария лишь мельком глянула на странное явление и спросила:

— Я вам еще нужна, ренгехай?

— Шчас, погоди, — опомнился я, стянул с полки какую-то книгу и с опаской уставился на название. Вздох облегчения едва не сорвался с моих губ. Надпись была понятной! Будь благословен тот, кто зашвырнул меня в этот мир, снабдив знанием языка. Свет за окном рос на глазах, а затем просто материализовался в библиотеке огненным шариком оранжевого цвета. Валария явно привычным движением схватила приبلуду и удалилась, унося искрящийся фонарик с собой. Я же постарался выбросить из головы лишние мысли и принялся изучать корешки книг. Скоро взгляд остановился на искомом: «Народы мира через призму истории». Рядом с этой книгой нашлась и вторая, намного тоньше, но в чем-то даже важнее: «Гехай: шицу и рен. Малый монструм цивилум». От названия даже мороз по коже пробежал. Я устроился за столом, открыл фолиант про народы и углубился в чтение, знакомясь с миром, куда занесла нелегкая.

Минут через сорок в библиотеку ворвалась взволнованная Валария, схватила меня за руку и буквально вырвала из-за стола со словами:

— Вы должны нам помочь! Немедленно!

— Где горим?! — успел вякнуть я, сгребая свободной рукой книги.

По коридору словно ударная волна пронеслась, содрогнув даракаль до основания. Следом звонко и протяжно бахнул далекий колокол. Эльфийка рассерженно зашипела, и мы практически побежали по коридору. Второй удар колокола догнал нас уже возле знакомого обеденного зала. В дверях маячила напуганная чем-то Тристания. Она перехватила бедного меня у помощницы и заволокла в столовую со словами:

— Она уже близко! Скорее краски!

— А что вообще происходит? — решил подать голос и я.

Эльфийки на пару проигнорировали вопрос. Валария чуть ли не бегом смоталась куда-то за стеклянной посудиной с черной жидкостью и набором палочек, сверкающих игольчатыми жалами. Я опасно подобрался:

— Эй, вы что задумали?

— Потом объясню! — рывкнула Тристания, напомнив, кто тут все-таки благородная хозяйка, и сорвала с меня местный аналог «гавайки».

В полном офигевании от насильственного раздевания я успел только ойкнуть, когда шею кольнуло что-то острое и холодное. От такого произвола накатила ярость. А затем ушастых отнесло от меня в сторону, и чей-то кристально-холодный голос произнес:

— Отвечай, рабыня!

Я с оторопью понял, что голос этот — мой. А Тристания уставилась на меня пустыми глазами, опустила на колени и глухо произнесла:

— Через час мы умрем.

Глава 7 ПШИК МАГИКУС ВУЛЬГАРИС

«Гехай — явление для нашего мира нужное и спасительное. Только гехай способен дать хозяйке или хозяину должную силу для правления магическими потоками в полном объеме. Но любая хай, вождедеющая гехая, обязана помнить и о том, что всякая сила имеет два облика. Так и гехай может оказаться ренгехаем. И тогда вождедеющая хай не только не приобретет новых сил, но и надолго лишится собственных, став рабой ренгехая, той, кого мы называем шицугехай, насильными гехаями...»

Прочитав этот абзац, я сморщился и потер саднящую шею. Татуировка, спешно нанесенная эльфийками на мою многострадальную тушку, не давала покоя. Каких-то полчаса назад от пафосной фразы Тристании я чуть не выпал в осадок. Это как же получается? Еще не все варенье слопано! Еще не все именины испорчены! И помирать? Да не пошли бы они на тын, все эти местные помиратели... Как-то так я и ответил, вызвав легкое окосение у одной не дуже оптимистичной эльфы. Когда сладкая парочка соизволила все-таки снизойти до объяснений, оставалось только поржать. Оказывается, огненный шарик, пойманный Валарией, был королевским гонцом, который принес в даракаль Тристании де ла Шанталь сногшибательное известие о приезде королевской фаворитки с инспекцией. И вызвало эту самую проверку издерганное нервным тиком предчувствий седалище ее королевского величества. Мои ушастики задержались не на шутку и решили от греха нарисо-

вать на моей шее знаки запечатления, дабы не пришлось однажды утром снимать с моей попорченной тушки очередную впавшую в забытие любительницу сладкого на ночь. Фаворитке же не объяснишь, что да как. Они-с не поймут-с, обуреваемые жаждой... того самого. А Тристании как раз и не хватало для полного счастья подружки по энергетическому рабству, особенно такой высокопоставленной. Слушая все эти эмоции, я тогда покрутил в голове одну милую идейку, отставил ее до лучших времен и смиренно согласился на маскировочную экзекуцию. Все-таки эльфийки были правы — провоцировать приезжающую тетю не стоило. Тем более что она была уже на подходе. И вот — шея болит, в башке — вагон новой информации, а в заглазнице — тлеющая мысль, так запавшая в мою раннимую душу.

Мир вокруг на секунду попытался расплыться, но я взял себя в руки, не позволяя опять навалиться футуршоку. Хватит конфуза по прибытии. К тому же до приезда местной старшей еще было время на одно дело. Когда лендерра и ее помощница узнали, чего я от них хочу, возражений не последовало. Они, похоже, и сами были не прочь проверить меня на способности к магии. По словам Тристании, гехаи редко могут создать что-то мощнее искорки или там дождика в мышинной хатке. Но все-таки проверить не мешало. И вот стоило мне оторваться от занимательной книги о пицухаях (или как они там?), как в комнату зарулила Валария и мы пошли в тренировочный зал, который нашелся всего через два поворота по коридорам. Кроме лендерры, там маячил еще один типаж зловещей наружности — бледная мрачная женщина огненно-рыжей масти и, судя по ядовитой зелени в глазах, весьма готичного характера. Я довольно робко подошел к этой мадам, следуя указаниям Тристании. Огненная леди, облаченная в сногшибательное платье, достойное скорее дворцового бала, а не поместья в дождливой дыре, задумчиво подержалась за мой подбородок, проникновенно посмотрев сверху вниз на мою переносицу, после чего неопределенно хмыкнула и сказала:

— Хтоном от него даже не пахнет. Так что никаких сюрпризов с превращениями и властью над всякими тварями от мальчика ждать не надо.

Три вздоха стали ей ответом. Один облегченный (это Валария), один разочарованный (это Тристания... интересно, а чего это она так скуксилась-то?) и один обиженный (мой, естественно: обломала рыжая). Магодинамщица тем временем успе-

ла прощупать мои мослы на предмет, ведомый только ей, и еще более довольню продолжила:

— Про Медос то же самое могу сказать, лендерра. Этот милый ребенок не заставит ни ваш даракаль, ни какой-либо другой напасть на хозяев.

Эпопея со вздохами продолжилась, только с небольшими коррективами. Нет, я-то как был в обидах, так и остался, а вот Валария с Трис почему-то поменялись облегчением и разочарованием. Ну, лендерру я могу понять — кому охота ловить на свою голову кирпич в родном доме? А вот Валария удивила... Она жалеет, что я весь такой немагический? Тэк-с, запишем на подсознание на будущее. Мадам Рыж тем временем стала суровой айсберга, продолжая вещать:

— А вот Ливиц и Хтолим в парнишке есть, очень даже. Тут я мало что могу сказать внятного, но точно одно... Такой связки этих сил, дающих и отбирающих магию, я в жизни не видала. Они замкнуты друг на друге и...

Она замолкла на секунду, а эльфийки напряженно уставились на меня, словно саперы на новый тип мины замедленного действия. Мадам во МХАТе не служила и паузы держать не научилась, продолжила почти сразу:

— ...и такое ощущение, что они вместе создают контур охраны. Этот контур не пропустит никаких проявлений магии в обе стороны. Ни наружу, ни вовнутрь.

— Это хорошо или плохо? — озадачилась Тристания, читая мои мысли. — Не томи, Ованна!

— В общем, так. — Леди вздохнула полной грудью, бросая в никуда мощный заряд женского позитива. — Охранный контур больше предназначен защищать не мальчика от злого мира, нет, дорогие мои.

— Это что, меня, такого бедного и несчастного, может любая попробовать обжечь на себе под кустом? — почти возмутился я, не замечая отчаянной жестикуляции Валарии.

Рыжая Ованна добродушно улыбнулась (я поклялся потом проверить себя на предмет прожженных дырок в теле) и сказала, глядя поверх моей головы:

— Этот контур повернут так, словно защищает злобный мир от этого юного невинного создания.

Она пристально посмотрела на Тристанию и спросила:

— Ты уверена, что твой Сахарок так уж юн и невинен, а?

— Ка... кхе. — Ладонь Валарии залепила мой возмущенный рот, вгоняя яд обратно в легкие. Лендерра же задумчиво глянула сначала на рыжую, потом на меня и сказала:

— В наше время уверенной можно быть лишь в одном, леди Ованна. Только в одном. Гадости, знаете ли, случаются, да простят меня ваши драгоценные уши.

— Напугала колючку задницей, — фыркнула Воинственная и Непобедимая мадам, после чего озабоченно добавила: — Вы его проверьте по этой защите. Мало ли что еще выползет, потом не отмоетесь, если что случится при Родерии.

Опа! Я стал весь внимание: что еще за Родерия? Лендерра тут же развеяла все сомнения:

— Если эта цветастая мозглячка думает, что, заполучив право бывать на королевском ложе, она может заправлять страной, то я ее разочарую! Буквально через несколько минут!

Рыжая молча выслушала тираду и степенно удалилась, поислав подолом платья пыль на полу. В то же мгновение посреди тренировочного зала образовалось странное облачко каких-то черных штук. Увидеть это успел только я — до того, как дрянь бросилась в мою сторону, очевидно повинувшись стороннему приказу. Эльфийки только и смогли, что шарахнуться врассыпную, напуганные выражением моего лица. А облако словно ткнулось в барьер, закрутилось на секунду и с тихим хлопком испарилось. Лендерра шумно выдохнула и сказала, потирая шею, заботливо обмотанную бежевым шарфиком на манер древних римлян (я такое в кино каком-то видел):

— Ну вот и ответ. Похоже, мне тогда в лесу не стоило кидаться под молнии. Все бы и так рассосалось.

Моя шицугехай мрачно улыбнулась и ушла, оставив бедного несчастного хозяина на произвол чернявой эльфы-заместительницы. Я шагнул к двери, и что-то громко хрустнуло под ногой. Это была семечка размером с хорошего шершня, черная и по форме похожая на тыквенную. Одна из того облака, что ли? — догадался я и с самым беззаботным видом покинул тренировочный зал в сопровождении трещавшей о чем-то Валарии. Семечка, семечка... Растения у меня с кем плотно ассоциируются в последнее время? Правильно, с зелеными глазами, шипящим голосом и массой листочков. Как же ее назвала все-таки та альбиноска? Точно, Гаста! Интересно, где она сейчас? И не ее ли это был приветливый подарок в виде стаи летающих семечек? Какая насыщенная жизнь досталась мне в новом мире! Во всех смыслах. До приезда королевской любовницы осталось-то всего ничего. И зачем так полошиться из-за какой-то бабы? Так я подумал в ту минуту. Скоро жизнь показала всю глубину и фатальность моей ошибки.

Глава 8

К НАМ ПРИЕХАЛ РЕВИЗОР

Оказалось, что в даракале обитают десятка три разных существ. Они все столпились в приемном зале, ожидая прибытия высокого гостя. Я же пристроился на балюстраде балкона второго внутреннего этажа, обрамлявшего зал по всему периметру. На мое своеволие лендерра так ничего и не сказала, хотя и пыталась что-то провздыхать. Хватило одного моего взгляда, чтобы шицугехай замолчала, оставив меня в покое. Приятно, оказывается, быть хозяином. По крайней мере, иногда. Сидя на перилах, я глазел на толпу, пытаюсь соотнести вычитанное из книги о местных народах с тем, что видели глаза.

Больше всего в зале было эльфов, естественно. Потому как хозяйничала в даракале блондинка с острыми ушами и вредным характером. Остроухих я насчитал восемнадцать морд. У эльфов и эльфиек выявилась странная то ли мода, то ли генетическая вакханалия — патлы у всех достигали пола, а цветовая гамма убивала кислотными оттенками. Это только у лендерры и ее советницы, именно так обзывалась должность Валарии, волосы были естественного окраса. Остальные же просто издевались над окружающими. Никогда не считал, что «кислота» в цвете — залог здоровья. Оранжевые, зеленые, синие, желтые и прочие прически создавали подо мной настоящий калейдоскоп.

Кроме Горотура, в поместье нашлись еще пять минотавров. Все они были огромной комплекции и еще более огромного оптимизма. Ревущий ржач рогатых периодически сотрясал стены зала, вызывая недовольные взгляды со стороны ушастых. Рядом с Горотуром я углядел и давешнего мохноногого садовника с неизменной трубкой в зубах. Праншас был сама невозмутимость, а минотавры откровенно опекали его с заботливостью перекачанных анаболиками нянек. Это загадочное существо явно ценили и берегли.

Оставшиеся три существа были разными настолько, что не терялись и в хаосе снующих по залу эльфов. Прежде всего в глаза мне бросилась все та же Ованна, ставшая еще рыжее с нашей недавней встречи. Она вновь показалась мне самым обычным человеком. Сверкая красным платьем, усыпанным искорками то ли блесков, то ли мелких камешков, она болтала с той самой незнакомкой, составленной из листьев. Я опять задумался над ее личностью — она ли была в лесу? Или не она? Мне не давала покоя история с облаком семян в тренировоч-

ном зале. Почему эльфийки проигнорировали нападение на мою тушку? Сами же и спланировали? Возможно, конечно. Но семечки — прямая наводка на эту растительную мамзель пугающей наружности. Если все-таки она, то совершила нападение опять же с ведома хозяйки даракаля? Кто она тогда для Тристании? Слуга, наемник или кто поближе? Или все-таки она не имеет отношения к семенам... Ее же в зале не было. Не грешить же на телепатию, мать их за ногу. Я вздохнул и пристал к ходячему фикусу пристальнее. Было такое ощущение, что существо линяет. На ее теле выделялось бодрой молодой зеленью множество новых листочков, которые словно кто-то рассыпал среди старых потемневших. Как если бы в нее пальнули дробью, а потом вырастили в дырках новую листву. А ведь недавно, в саду, она была вполне однотонной.

Мое внимание переключилось на последнего из неведомых мне обитателей даракаля. Высокий худой четырехрукий кошак вальяжно восседал на перилах второго этажа напротив меня, периодически прикладываясь к одной из трех бутылок в своих лапах. Ростом мохнатый был с Тристанию, окрас имел пепельно-чепрачный, глаза же его поблескивали насыщенной синевой. Если верить книге, эти существа встречались не чаще праншасов и назывались харрами, с ударением на последнюю гласную. Мое филфаковское прошлое подсказывало, что эти самые харрами состоят в близких родственных отношениях с лесными кисами, одна из которых загнала меня на сосну-ель вчера в лесу. Только шерсть вместо чешуи наводила на мысль о долгой эволюции.

Что-то заставило меня посмотреть на Тристанию. Эльфийка недовольно уставилась в ответ, но воздержалась от реплик, тем более что в гвалте вряд ли бы докричалась. Вспомнился наш второй разговор в столовой. Мой рывк в ее сторону и последствия оного как-то очень уж ровно сложились со словами рыжей о защитном контуре. Все вместе вызывало в душе очень уж нехорошие подозрения и предчувствия, о которых даже думать не хотелось. Зато хотелось наконец узреть пресловутую Родерию, фаворитку во всех смыслах. Чувствовалось, что без ее появления тусовка в зале на радостях плавно перейдет в гулянку.

И вот момент настал! Горотур стремительно добрался до двойной двери шлюза-сушилки и торжественно распахнул створки со словами:

— Ее сиятельство графиня Родерия дель Туркан, баронесса Лафайкельская, лендерра Туркантакаля со свитой!

И в зал влетело нечто невероятное — не очень высокое, заматанное в яркие тряпки безумных цветов, обвешанное брюликами и с фиолетовыми распущенными волосами до пяток. Когда вихрь остановился посреди зала, я с удивлением понял, что в его середине прекрасно себя чувствует очень молодая на вид остроухая девчонка. Нет, конечно, это могла оказаться и шустрая старушка, но голос все испортил:

— Так-так, лендерра Тристания, вы все же окончательно решили утопить королевскую фаворитку на подъездах к даракалю!

Сказано это было приятным дискантом, абсолютно не вязавшимся с женственной внешностью гостьи. Тристания сдержанно поклонилась и сказала:

— Если ваша светлость так любит искупаться при луне на фоне королевского замка, то ваша покорная слуга никак не могла не устроить вам приятного сюрприза и не предоставить прекрасного изобилия воды. Добро пожаловать в Шанталь, дорогая кузина!

Гостья с гримасой очевидного сомнения выслушала приветствие и проворчала:

— Вы хотите сказать, кузина, что этот ливень вызван специально для меня?

— Разумеется, нет, дурья твоя башка, — едва слышно пропел харрами, глотнул содержимое одной из бутылок и хитро глянул в мою сторону.

— Разумеется, нет, дорогая кузина! — ответила гостье лендерра внизу. — Вы прекрасно знаете, что дождь идет непрерывно на всей территории как королевства Ламары, так и всего континента Каван вот уже семьсот лет. И только ради вас наша дорогая королева уговорила Погодную Пятерку Сил поставить над столицей полог непроницаемости.

— Да, да, я помню, — отмахнулась фаворитка. — Мне рассказывали что-то такое.

Разговор вызвал у меня чувство нереальности. Две эльфы несли такую околесицу, что становилось понятно — они обе просто тянут время, чтобы... Что? Знать бы все подробнее! А кошак-алкоголик на балконе напротив опять соизволил бросить реплику в никуда:

— И этот рассказ потерялся в пустоте твоей прелестной головки.

— По-моему, она просто морочит всем голову, — прошептал я себе под нос, но харрами услышал и отсалютовал бутылкой, едва не сверзившись вниз с балюстрады. Спасли его две

дополнительные лапы, одна из которых держала оплетенную путьями бутылку, а вторая, свободная, успела ухватиться за узорную балясину. Кошак пробормотал:

— К нам приехал цирк, и теперь мы будем платить втридорога за программу...

Внизу из шлюза показались несколько спутников фаворитки: две женщины-туры, закованные в чудовищную броню и с огромными топорами в руках, три поскромнее одетых эльфийки и два, судя по всему, ушастых наложника. А как еще назвать юных эльфов, облаченных лишь в полупрозрачное шелковое исподнее? Последние с интересом вертели головами, старательно откидывая с лица пряди распущенных длинных волос одинаково серого цвета. Разговор гости и хозяйки даракалья, начавшийся на повышенных тонах, продолжился вполголоса. Туры, убедившись, что все нормально, вернулись в шлюз и втащили в зал четыре огромных сундука, появление которых кошак не преминул откомментировать:

— Такая бережливость достойна восхищения! Всю казну королевства притащила с собой от греха подальше!

Я вытаращился на харрами, не веря ушам. А кот фыркнул и специально для меня объяснил:

— На ее наряды уходит треть месячного бюджета страны, не меньше. А ты кто такой будешь?

Вопрос застал меня врасплох. Кошак тем временем споровисто перебрался по распорным балкам на мою сторону балкона. Причем по пути он явно хотел отпустить одну из бутылок в полет, прямо над Родерией, но что-то его удержало... Может, мысли о большой политике? Харрами с интересом обошел меня по кругу, приняюхиваясь. Я же с не меньшим интересом разглядывал нового мохнатого знакомого. Кошак вкрадчиво пробормотал:

— А ведь твои шейные знаки пахнут краской... Какой у нас тут замечательный юный обманщик! Так и съел бы...

— Клыкки выдерну, — предупредил я, отчетливо осознавая невыполнимость угрозы.

— Ты? — прищурился кот. — Мне? Своими ручками? О да-а-а...

Я чуть не сел на мягкое место, услышав такой страстный выдох. А харрами заботливо приобнял меня за плечи свободной от вышивки лапой и добавил:

— Тебе можно все, сладкий...

От такой извращенской откровенности я чуть не заработал нервный тик, но все-таки смог совладать с задержавшимся гла-

зом. А кошка еще раз приняхался и со странным удовольствием в голосе промурлыкал:

— А вот руки твои правдивы, светлячок. Не расскажешь, кого ты уже пометил своим благословением, сладкий? Кто в даракале заслужил твое сладкое наказание, мальчик-моркот? — Кошак горячо дохнул мне в шею: — Я порву ее на части, так и знай. Лучше не говори ее имени, светлячок. Еще увидимся.

Когда я отдышался, харрами и след простыл. А на балкон вбежал слуга с причитаниями:

— Господин ренгехай! Вас очень хочет видеть лендерра Тристания. Она желает представить вас госте.

Я торопливо поправил на запястьях широкие матерчатые браслеты, призванные скрыть красные рисунки на коже, облизнул пересохшие губы и выдохнул. Мохнатый домогатель чуть не вынес мне мозг и очень вовремя исчез, а то бы я точно натворил глупостей. Драться бы полез или еще какое непотребство затеял — очень уж откровенно и правдиво тот намекал на всякое этакое. Кто он вообще такой?

Слуга вежливо подхватил меня под руку и повел с балкона туда, где царил новоявленная гостья. Надеюсь, хотя бы эта павлиниха не станет делать намеков на счастливое совместное будущее. Минут через пять мою беленькую тушку ввели в столовую и представили фаворитке правящей королевы, как гехая лендерры Тристании. Я особо не возражал, пристроил свою тощую пятую точку на кресло рядом с двумя гехаями Родерии (так их мне представили) и приступил к знакомству, пока две аристократки соревновались в ядовитости на другом конце длинного стола. Вблизи эльфики уже не показались мне близнецами. У того гехая, который сидел рядом со мной, глаза были насыщенного сиреневого цвета, а в правом ухе болталась того же цвета сережка. Второй, сидевший за ним, смотрел на мир обычными карими глазами, и с его лица не сходила странная улыбка обкурившегося травкой. Первый обозвал себя Буниэлем, а вот второй мягко выдохнул имя, от которого у меня сперло дыхание:

— Коля, можно Николай.

Глава 9 СКАЗКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Вытрясти душу из вероятного земляка в ту же минуту мне не дала, кто бы мог подумать, заботливейшая из заботливейших Тристания. Эта благообразная собственница принялась

нахваливать гостье мои так называемые способности гехая. Причем делала это так, что я на миг даже заподозрил: а не вознамерилась ли наша многоуважаемая лендерра подсунуть королевской фаворитке большую свинью, то бишь — бледную свинку в лице меня, единственного и неповторимого? Очень уж подозрительно мила и любезна стала эта белобрысая эльфа. А вот то, что Родерия не повелась на провокацию в стиле «все мое — твое», насторожило еще больше. Особенно если принять во внимание пристальный взгляд приезжей в мою сторону, от которого почему-то вспомнилось тихое безмятежное кладбище, на котором так хорошо и уютно по ночам. Даже захотелось завернуться в простынку и выполнить армейскую инструкцию на случай ядерного удара — тихонечко уползти на скопище могил. А чего? Сами подумайте: глянешь там по сторонам — одни плюсы кругом. И никаких злобных эльфиек.

Мой безудержный интерес к одному из гехаев высокой гостии не остался незамеченным — едва торжественное жевание трупов и паданцев, замаскированных под жаркое и цукаты, закончилось и примы-танцовщицы дипломатического балета свалили отдышаться друг от друга, Валария присоединилась к нам с гехаями. Она шепотом спросила у меня, едва не влетев рукой в какой-то скользкий салат:

— Что-то случилось?

— У того парня такое странное имя, — изобразил я незнайку на выезде. — Николай?

— Это трудно объяснить, — тут же помрачнела чернявая.

Буниэль, подслушавший наш обмен репликами, усмехнулся и сказал, глянув искоса на своего соратника по хозяйской койке:

— Говорите громче. Он все равно живет под пологом сна.

— Это что еще за простыня такая? — уже на самом деле удивился я.

— Полог сна позволяет изъятому оставаться в неведении о собственной судьбе, — типа объяснила Валария, а Бунька довольно улыбнулся и занялся очередным жареным набором костей. А мне что-то стало нехорошо от всех этих таинственных новостей. Валария поняла, что просто так от меня не отделается, и сказала: — Сейчас покажу.

Она обратилась к Коле с вопросом:

— Надеюсь, ваш путь не омрачила непогода?

— Ну что вы, — отозвался Николай, — пару раз легкий дождик шел, но я даже волос не намочил. Моя жена решит пару вопросов со своей подругой, и мы поедем в наш дворец.

— Это как? — не понял я. — Дождик пару раз? Подруга? Дворец?

— Именно так, — вздохнула чернявая эльфийка. — Он живет в уникальной иллюзии, которую вложили в его голову в момент изъятия из родного мира.

— А для чего? Из какого мира? — Пресловутые пятаки уже успели обзавидоваться размеру моих глаз.

— Он был выдернут нашими магами из родного мира... — Терпение Валарии не знало границ. Еще бы — в моих бледных лапках жизнь ее госпожи. Я же все сильнее подозревал, что подробности хорошего настроения не прибавят, но отступать не в моих привычках. Чем больше узнаю про мир, в котором теперь живу, тем проще будет освоиться. Валария продолжила: — Генераторная Пятерка Сил нашего королевства когда-то нашла возможность обеспечивать хаев сильными гехаями без оглядки на их редкость в нашем мире. Они путем многих экспериментов выяснили, что обитаемых миров несколько и они граничат с нашим тонкими мембранами сил. Исследования соседних миров показали, что в одном из них едва ли не большинство местных обитателей — настоящие гехаи, наполненные магическими силами без возможности ее использовать. У них это называется силой воображения. Местные называют свой мир Сзеемля или как-то так...

Мое сердце пискнуло и нырнуло в спасительную глубину пяток, возблагодарив небеса за отъявленную бледность нового тела. От слов черноволосой советницы мне откровенно стало нехорошо. А та без всякого зазрения совести продолжала вещать:

— Человеки, как они себя называют, любят сочинять истории о других мирах, о путешествиях сквозь время и тому подобные сказки. И чем талантливее человек, тем больше в нем потенциал гехая. Наши маги нашли способ выдергивать самых сильных в воображении к нам, сюда. Но здравый смысл и первые изъятые убедили магов в том, что лишь считанные единицы из человеков способны смириться с положением гехая. Это оказалась другая сторона воображения. Высшие хаи перепугались, что изъятые смогут постепенно захватить наш мир и изменить его под себя, сместив местную власть куда подальше.

Да уж, мысленно согласился я, отходя от шока. Наших хлебом не корми — дай поприключаться всласть, корону там захватить в новом мире или с драконом уллюбиться до бессознательного состояния. Советница тихо продолжила, поглядывая

на безмятежного Николая, подъедавшего какие-то крупные ягоды:

— И маги нашли выход. Они создали полог сна, очень сильное ментальное заклятие, создающее для заколдованного некий слой реальности, подменяющий собой настоящую жизнь. Изъятому кажется, что он или она живет полной жизнью в лучшем из миров — том самом, куда душа человека стремится сильнее всего. Кто-то уверен, что учится в академии магии, имеет самых лучших самцов в свите, или самок, или еще что поэкзотичнее. Кто-то живет жизнью спасителя мира, кто-то — наоборот, этот мир захватил и правит в свое удовольствие. А тут еще культурные и прочие традиции нашего мира сказались. Представляешь, Сахарок, у них там верховодят мужчины! А то и похуже — равенство.

Торжественная пауза в речи Валарии сбила меня с намерения тут же вколотить свое новоприобретенное прозвище назад в эльфийку. Это что же получается? В этом лучшем из миров сбылась мечта «ушельцев» нашего мира? Обалдеть и не вернуться! Где тут круглый дом? Найду у него угол и убьюсь от восторга... От этих мыслей на моем лице точно проступили изумление и косоглазие, вызванное ступором. Удовлетворенная эльфийка назидательно покивала сама себе и сказала:

— Магам пришлось вплетать в полог сна дополнительное заклятие превращения, чтобы люди в меру своей фантазии могли при изъятии менять пол, женщины становились мужчинами, мужчины женщинами. В меру собственной двинутости. Причем заклятие внушает им, что именно об этом они и мечтали всю свою жизнь в родном мире.

Пока Валария говорила, я таращился на Николая, пытаюсь распознать — Коля он или все-таки Оля? От такого пристального внимания гехай занервничал и довольно быстро пересел от нас на пару кресел. Валария тем временем вещала дальше:

— Так что теперь каждый изъятый человек живет в своем придуманном мире и доволен этим. Это величайшая заслуга наших магов!

— Поубиваю на фиг, — невольно вырвалось у меня. Все-таки крутоватой оказалась информация.

— Кого? — слава богу, не поняла эльфийка.

— Пробивалась у них память хоть раз? — невинно спросил я.

— Нет, полог надежен и необратим. — В голосе эльфы сквозила настоящая гордость патриотки.

Буниэль, лопавший и подслушивавший, покивал в поддержку слов советницы. Я же откинулся на спинку кресла и задумался. На целых пять минут! Возмущенная отсутствием приключений пятая точка не дала заниматься этим дольше. Тем более что вспомнился харрами на балконе. Я оживился и спросил:

— А как зовут того кошака харрами, что живет в даракале лендерры?

— Нет у нас в даракале никаких харрами, — недоуменно отозвалась Валария, меняясь в лице. — И надеюсь, никогда не будет!

— А чего так? — Настал уже мой черед удивляться. Вроде тот кошок не был ужасным и кошмарным, вот ни разу.

Эльфийка воинственно сказала:

— Это самые искусные воры нашего мира! Если ты видел у нас харрами, я должна немедленно доложить лендерре! Четки Заката, только не они!

Советница молниеносно испарилась из обеденного зала, оставив меня опекать гехаев Родерии на правах не успевшего смыться. Приставать с вопросами к Николаю мне определенно расхотелось — очень уж ситуация складывалась неутешительная. Как бы не устроить парню банальную шизу, если Валария не сбрехала. Мыслей в голове было столько, что должно хватить до самого позднего вечера. Не прошло и пары суток моего пребывания в новом мире, а уже по уши в интригах и загадках. Что ж, будем разбираться по порядку. И начнем сегодня ночью — навестим Николая с разговором моська в моську. Проверим на вшивость, так сказать... Интересно, а много тут таких, как этот болезный?

Глава 10 **СУДЬБА ЕГО ПЕЧАЛЬНА И НЕЛЕПА**

Ночью все кошки серы на самом деле — в этом я убедился на собственных пятках. И не только кошки, оказывается. Пока я добрался до покоев Родерии и ее гехаев, раз пять цеплял пальцами ног ступени, ударялся то плечом, то локтем на поворотах, а один раз даже увидел салют, врезавшись лбом во внезапно возникшую на пути перекладину. Никогда раньше не замечал, как сумерки меняют перспективу обстановки, размеры ступенек и заметность некоторых мозгопрояснителей.

Дабы подстраховаться, я проверил лендерру и ее гостью, застрявших в рабочем кабинете Тристании за переливанием слов из пустого в порожнее. Подслушанной части разговора мне хватило, чтобы понять — эта промывка костей всерьез и надолго, беспокоиться не о чем. Добравшись до выделенных гостям покоев, я нагло просочился внутрь и поприветствовал обалдевших от такого навязчивого внимания гехаев. Буниэль начал было ворчать, но я благополучно выпроводил его в уютную комнату с бассейном, где слышимость была на нуле — проверено на примере такой же комнаты в моих «нумерах». Николай настороженно предложил мне очередную порцию фруктов, но я решил, что вечер утра скорее, и не стал ходить вокруг да около:

— Ты из какого города, парень? Москвич или замкадыш?

Коля стал похож на свежепойманного караса в сачке. Весь такой внезапный и таинственный, я повторил вопрос. Николай с глазами на треть размера офигевшей моськи шепотом ответил:

— Офигеть... Еще один.

— Да ты гонишь! — заулыбался я. — Я единственный и неповторимый, как и ты. Так откуда костяшки?

— Какие костяшки? — Разум во взгляде гехая подернулся дымкой окосения, на что я решительно возразил:

— Ты давно в этом мире, болезный?

— Три года, — ответил Коля и, словно опомнившись, добавил: — Так ты тоже с Земли?

— Типа того, — кивнул я. — И сейчас ты мне расскажешь, что тут да как в плане прописки и прочей дребедени. Кстати, а ты там кто был? Баба или мужик?

— Олей я был вроде бы. — В голосе гехая проклюнулись сомнения человека, поймавшего себя на мысли о «несвоеумности». — Точно, Оля Пospelович, коренная москвичка.

— А чего сюда-то занесло? — Ключевую на откровенность рыбку надо было подсекать, пока теплая, и мои вопросы посыпались дальше практически непрерывно.

— Под машину попала Ольга, а очнулся я тут уже в мужском теле.

— И что, так спокойно все воспринял, да?

— Не поверишь, всю жизнь мечтал попасть в такой мир. Кучу фанфиков перечитал, не меньше написал про таких вот попаданцев, а потом свершилось настоящее чудо. — Взгляд гехая стал чуть ли не восторженным.

— И как тут?

— Здорово! Уже через день встретил свою пару, истинную партнершу. Моя жена оказалась самой настоящей принцессой,

но открылось это только через три месяца после того, как мы оба поступили учиться в Академию магических искусств...

Остапа понесло, а я не стал останавливать разговорившегося попаданца. То, что наболтал Николай, шло в кардинальный разрез с фактами, в которые я уже успел упереться носом не один раз. Тут были и драконы, и оборотни, и похищения, и лубофф, как в лучших земных лавстори-буках. Отпад, это же надо так засорить мозг нормального человека! Я тут же одернул себя — о нормальности нет и речи. Деваха-то в земной жизни была просто повернута на фанфиках, бредила мечтой стать парнем и ощутить это во всей красе, так сказать. Ну и ощутила, дурь их рогом по забору да через плетень в выгребную яму... Колька явно жил в своем отдельном мире, где воображение услужливо подсовывало объяснения всему и всем — настолько правдоподобно, что вздумай я сейчас протереть ему глаза тряпкой правды — получу по морде как пить дать. Все-таки местные маги — гении в своем роде, так сыграть на способности человеческого подсознания подвести удобную базу под все именно в таком ключе, в каком человеку будет удобнее всего пребывать, чтобы не потерять рассудок окончательно.

Во время разговора блаженная улыбка больше не сходила с лица гехая, убежденного в своей райской жизни. А во мне словно зрела злая опухоль. В этом долбаном мире определенно не хватало меня... Ну, твари подзаборные, быть вам жертвами эволюции. Валентин Головлев пришел, прошу любить и жаловать! Ленин может курить в сторонке и плакать в жилетку Железного Феликса от зависти...

Из банной клетушки абортировался наконец Буниэль, растираясь шикарным тонким полотенцем. И хоть бы клочок одежды натянул, скотина! Захотелось физически кулаком в мордасы напомнить о приличиях, но я героически поборол эту обезьяну в своей интеллигентской душе, просто попросив Буньку не провоцировать озверевшего меня. В ту же секунду Коля с испуганным видом дернулся:

— Жена идет! Злая, как сотня арахов!

Два постельноутешательных гаденыша дружно запихали мое драгоценное тело в один из платяных шкафов, а сами судорожно изобразили покой и безмятежность. Только вот почему-то морды у них были красными — запыхались, что ли? Глухой стук возвестил, что двери в покои распахнулись, и знакомый капризный голосок проворчал:

— Что, подстилки, уже умаялись ждать?

В глазах Буниэля сверкнула настоящая ненависть, от которой у меня встопорчилась кожа, а вот на счастливом лице Николая не дрогнул ни один мускул. Он плавно поднялся с постели, на которой валялись оба гехая, и с самой настоящей радостной улыбкой подбежал к «жене»:

— Ты чем-то расстроена, дорогая?

Я приник к резным отверстиям в дверцах шкафа, чтобы пропустить ни мгновения происходящего. В сердце царило растерянное смятение — так не могло быть! Но глаза и уши никогда мне не ввали раньше, и не думаю, что взялись делать это теперь. Надменная фаворитка королевы резко дернула рукой, влепив пощечину Кольке. Тот и бровью не повел! Лишь сказал, заботливо помогая хозяйке снять верхнюю одежду:

— Тебе сказали что-то неприятное, солнце? Мне кажется, они отдадут тебе то, что нужно, дорогая.

— Заткнись, — процедила Родерия, усаживаясь на постель в одном тонком пеньюаре.

Буниэль за ее спиной что-то едва слышно прошептал, явно не сдержавшись. На что посланка королевы мгновенно обернулась и уткнула в грудь гехая растопыренные пальцы правой руки. Буниэль стремительно покрылся синюшной бледностью и испариной, видимой даже мне, из шкафа. Ему определенно стало плохо — судя по всему, Родерия сделала что-то с помощью магии. Фаворитка прошипела:

— Знай свое место, гехай.

Николай же однозначно НЕ ВИДЕЛ происходящего. Он продолжал улыбаться и наводить суету, словно действительно переживал обычный семейный вечер. Родерия гневно оттолкнула от себя Буниэля, и тот рухнул на пушистый ковер у кровати, судорожно силясь вдохнуть полной грудью. Из-под прикрытых век бледного эльфа потекли скудные слезы, которые он тут же постарался смахнуть. Я же в своем укрытии едва сдерживался, чтобы не выскочить и не навалить дуре с замашками садистки. И по фигу, что наши весовые категории не в мою пользу... Остановило то, что все еще только начиналось. Родерия встала с постели, уперла изящные руки в бока стройного тела и приказала, глядя на Николая:

— Иди в постель, раб. Я хочу подзарядиться.

Колька радостно улыбнулся, словно услышал самый прекрасный комплимент в жизни, быстро разделся сам и помог Родерии избавиться от последнего предмета одежды. Фаворитка жестко схватила его за горло и сказала:

— Надеюсь, сегодня ты сдохнешь, радость моя.

Николай суетливо поймал руками вторую ладонь хозяйки и с нежным трепетом поцеловал, как это делают по-настоящему влюбленные. Если бы не те знания, что я получил за сегодняшний день, поверил бы однозначно, что стал свидетелем классической пары «хозяйка — раб». И от мысли о том, что второй тут явно заморочен, стало тошно... То, что началось дальше, разорвало мое сознание яростью.

Двойственность происходившего просто терзала на части. Глядя на то, как жестоко зверствует одна и «наслаждается» второй, я едва сдерживался от выхода «в свет». Помочь Кольке было нереально — что-то во мне хладнокровно пробилось сквозь злобный угар пылающего тела и не оставило сомнений в бесполезности таких действий. Заклятие действительно было необратимым.

В самый разгар вакханалии на постели поднялся с пола Бунизль, взгляд которого поразил меня пустотой обреченности. Эльф замер в прострации, глядя невидящими глазами на извивавшихся среди простыней насильницу и ее околдованную жертву.

Оставить это без последствий сил не оставалось никаких. Бесшумно распахнув створки шкафа, я словно в рукотворном дурмане подошел к кровати под балдахином и сказал охрипшим от сухости во рту голосом:

— Ничего, если я тут свечку подержу?

Глава 11 **ОЧЕВИДЕЦ? ХА, БЕРИТЕ ВЫШЕ!**

Тело словно горело изнутри злым огнем, проникая в каждую клеточку тонкой дрожью. Я смотрел, как Родерия жестоко пользовала Кольку, и ждал, когда на меня обратят внимание. Секунда, другая, третья... И распаленное возбуждение, выбелившее окружающий мир в моей голове, сменилось ласковым спокойствием, отстраненным и даже в чем-то страшным. Как будто я повернулся к жизни другой стороной. И утратил контроль над телом. Кто-то во мне жестко сжал сердце и заставил подать голос вновь:

— Посмотри на меня, Родерия.

Звуки, сорвавшиеся с моих губ, вибрировали всепоглощающим желанием, от которого воздух в покоях мгновенно взмок. Самое дикое во всем происходящем было то, что это тоже был я. Дурман, напитавший стены комнаты, такая же часть

меня, как язвительность и взбалмошность. Первым на странное колдовство моего нового тела отреагировал Буниэль. Этот эльф уставился на меня, заметно дрожа от возбуждения... Отвлекающую помеху в его лице пришлось успокоить:

— Спи, родной. Ты устал и нуждаешься в покое. Спи, хороший.

Гехай вырубился мгновенно, рухнув на ковер сопящей тушкой, словно набегавшийся и наскакавшийся ребенок. А спустя мгновение подала голос королевская любимица:

— Ты еще кто такой?

Родерия была не то чтобы разъярена — нет, она была в диком бешенстве. Я обрадовался ее вниманию, как слон ананасу, — всей душой и телом. Вожделение буквально хлынуло в мир вокруг. Ощущалось это прозрачным радужным облаком, протянувшим пряди к двум ушастым на постели. Одного из них моя новая сила успокоила, словно заботливая мама, вызвав мощный прилив сна (Коля тут же свернулся калачиком и мирно засопел). А фаворитка побледнела и уставилась на меня большими глазами:

— Как ты красив...

Наполнявшее меня нечто аж замурыкало от удовольствия, услышав такое признание. Я протянул руки и почти пропел:

— Иди ко мне, нежная зверица.

Родерия медленно выбралась из постели, ее тело блестело от пота, требуя внимания, которое я готов был ей дать. Эльфийка повиновалась каждому слову и жесту. Ласкать это чудовище я не собирался — даже сквозь переполнявшую меня энергию при одной мысли об этом пробились нотки тошноты. Но странная магия по-прежнему заполняла все мое тело, на что утонченная столичная аристократка реагировала самым непосредственным образом. Пришло четкое понимание того, что сейчас Родерия способна даже перегрызть себе вены по одной моей просьбе — власть над нею была полной и бесповоротной.

Дальнейшее прошло туманом и смутными образами. Слово вихрь светлячков заполонил покои. Спокойное белое пламя, ясно видимое мне в полумраке комнаты, сначала робко потянулось от эльфийки ко мне, но с каждым нашим движением набиралось смелости и вскоре бурным потоком устремилось от прежней хозяйки к новому владельцу. Лежа под эльфой, я даже умудрился забыть на миг о том, что эта стерлядь не есть вершина моих желаний. Ее магическая сила впиталась в мою и

превратилась в сотню белых пушистых котят, теплыми лапками истоптавших сердце и душу. А потом я стал чем-то новым — десяток моих двойников окружили Родерию, десятки призрачных рук потянули магичку каждая в свою сторону. И мир вспыхнул алой радостью. Как лесной пожар, сила ринулась по моему телу, наполняя злым ликованием. А сердце стало раскаленным солнцем, опалившим стены комнаты.

Часть меня понимала, что мы с эльфийкой просто валяемся на постели рядом с исстрадавшимся человечком, девушкой Олей в теле раба-эльфа. Другая часть на невидимой стороне мира превратилась в огненного волка, трепавшего сломленный дух королевской фаворитки, выбивая из нее последние капли энергии, позволявшей ей владеть магией этого проклятого мира. И никакие попытки магини вырваться из ловушки не могли помочь моей новой шицугехай.

А потом в покои зачем-то ворвались несколько эльфов во главе с перепуганной Валарией и деловито-спокойной Тристанией. Лендерра движением руки сорвала с меня Родерию и отшвырнула прочь. Удивительно осторожные руки эльфийки подхватили меня с постели и крепко обхватили. И все это в полной тишине. Валария тут же сердито проворчала:

— Поздравляю, госпожа Тристания. Таких проблем у нас еще не было.

— Мир не рухнет, небо не расколется, — глухо ответила лендерра своей советнице, а затем внимательно посмотрела мне в глаза и спросила: — Зачем?

Я постепенно выплывал из странного дурмана, подталкиваемый радостной легкостью, обретенной вместе с чужой силой, и вопрос лендерры воспринял уже более-менее осмысленно. Но ответила ей та половина меня, что пока и не думала уступать главенства после обжигающего подчинения:

— Ради прекращения дождя, рабыня.

Тристания скривилась:

— Ты бредишь, ренгехай.

— А ты вместе со мной, — ответил тот, другой я.

— Кто ты такой? — лендерра почти прошептала эти слова.

— Твой хозяин. — С этими словами зверь внутри меня исчез, окончательно вернув способность владеть собой.

Большое зеркало на стене комнаты вдруг отозвалось хрустальным звоном. Лендерра растерянно выдохнула, разжимая руки:

— Как ты красив, хозяин.

— Моркот вырос, — эхом добавила Валария, глядя на меня со странной смесью страха и нежности во взгляде.

— Что? — опомнился я и выбрался из объятий эльфы. Замерев, сообразил, что смотрю в глаза Тристании без всяких ухищрений — на равных. И мне это понравилось. Еще более странно ощущала себя спина — словно на нее накинута живая плащ из множества щекочущих нитей. И тело стало тяжелее, что ли. Я быстро подошел к зеркалу, аккуратно переступил через спящего Буниэля и уставился на свое отражение. Кожа сияла знакомой белизной, но это было единственное, что связывало того, кто отразился в стекле, с мальчишкой, которого в лесу подобрали эльфийки. Высокий гибкий хищник смотрел моими глазами из зеркала. Он обладал черной шевелюрой вполне нормальной длины эдак чуть ниже лопаток, по-эльфячьи острыми ушами и поджарым узким телом, в котором все стало соразмерно. Но были и отличия от тех эльфов, что до сих пор попадались мне на глаза. Прежде всего это были ногти — чуть сияющие черные осколки тьмы. И живые (ей-богу!) волосы — в какой-то момент черные пряди зашевелились, трогая плечи, словно здоровались.

Мрачная уверенность, что все правильно, проснулась в груди горячим зерном злости. На такого клюнет кто угодно — будь она хоть самой-самой асексуалкой в загнивании лет. Я развернулся к Тристании и ее спутникам. Три урукхая почтительно склонили головы, Валария с гримасой мировой скорби на лице сложила руки на груди, а Тристания медленно опустилась на колени и произнесла:

— Благослови слуг своих, моркот-анкх.

Я прекрасно понял ее последнее слово. Повелитель, Владыка, Царь... Выбирай и пользуйся, называется. И почему-то была абсолютная уверенность, что обращаться ко мне надо именно так. Иначе порву в клочья. Похоже, меня записали в легендарные Тузики, Рвущие Тапки... Я хохотнул и сказал, глядя на эльфиек:

— Чего стоим, кого ждем?

Валария совершенно непочтительно (хоть кто-то сохранил рассудок в бедламе) ответила:

— У нас теперь три большие проблемы, Сахарок. И одна из них, не самая большая — это ты сам. Думаю, сложно будет обьяснить королям Кавана, что теперь им придется потесниться.

Я пожал плечами и сказал:

— Еще какие проблемы ты видишь?

— А вот. — Советница махнул рукой в сторону Родерии, без памяти валявшейся поперек постели, рядом с Николаем. — Королева Диодерия не поймет, с какой стати ее любимая фаворитка стала шицугехай какого-то мальчишки, пусть и черного моркота. И случилось это в даракале Шанталь лендерры Тристании. Боюсь, нам припишут бунт и измену.

— Давно пора растрясти вам тут порядки. — Я криво улыбнулся. — Кровопускание, правда, не выход, ну да ладно, разберемся. И для начала, Ларочка, о случившемся должны знать только те, кто сейчас находится в этой комнате.

— Рано или поздно все узнают, что случилось. Тебя не спрячешь. Как и ошейник на Родерии. — Валария так скривилась от моей фамильярности, словно зуб заныл.

— Не мои проблемы, — хмыкнул я. — Это будут проблемы тех, кто узнает и увидит. Они отупеют и ослепнут.

Валария вздрогнула, а Тристания радостно улыбнулась. Я задумчиво уставился на фаворитку, на шее которой начали проступать знаки подчинения. И они не были похожи на те, что носила Тристания. Они скорее напоминали ожог, тавро, какими на Земле метят скот. Это навело на мысль, что при подчинении имеет очень большое значение мое настроение. С Трис все было неожиданно и случайно. Лендерра отделалась легким шицу. А вот Родерия влипла по полной. Вся ярость из-за творимого местными с выходцами из моего мира сконцентрировалась на фаворитке, когда она начала истязать Кольку. И сила восприняла мое состояние как приказ.

Оставалось разобраться еще с одной проблемой, над которой следовало сначала подумать и найти пути проверки одной неприятной мысли. Если попаданцам тут всаживают фальшивую жизнь, то не стал ли и я обладателем такой подсаженной вселенной в голове? И не мерещится ли мне все это? А на деле меня сейчас пользуют во все дыры? От такого предположения стало... неуютно. Может ли сумасшедший проверить свою сумасшедшесть? Хороший вопрос, главное — вовремя. Я еще раз глянул на себя в зеркало. А ничего так гольшок, симпатичный, коня им в мельницу! Все решим и со всем разберемся, пообещал я своему отражению. Я не философ Ленин, крови не боюсь, утоплю в ней не разбираясь. Но сначала...

— И зовите меня Террор.

Эльфийки настороженно уставились на меня, и Валария спросила:

— Разве Сахарок не лучше?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. НОВАЯ ЖИЗНЬ НАРАСХВАТ	5
Часть вторая. ЗЛЫЕ КРАСКИ ТРИМУРРЫ	72
Часть третья. ОБРЕТЕНИЕ НОВОЙ МАСКИ	151
Часть четвертая. БЛЕСК ПРОБУЖДЕНИЯ	240
Часть пятая. ОСКОЛКИ ДУШИ МОЕЙ	278
Часть шестая. ГОРИ, МОРКОТ, СГОРАЙ!	335
Часть седьмая. ТЕНИ В ТЕНЯХ ТЕНЕЙ	365
<i>Не эпилог. У семи деток няня без разума</i>	<i>438</i>